

Екатерина Перфилова

Полёт над цюрихским озером

Екатерина Перфилова

Полёт над цюрихским озером

«Издательские решения»

Перфилова Е.

Полёт над цюрихским озером / Е. Перфилова — «Издательские решения»,

Жюли всю жизнь жила так, как этого от неё ожидали родители. Она лишь подглядывала за жизнью ярких свободных женщин. Переезд в Цюрих и встреча со старой подругой перевернули её привычный уклад. Всё кажется лёгким и необременительным, пока Жюли не понимает, что и свобода может сломать, сделать больно. Желание познать себя приводит её в кабинет психотерапевта. Там ей предстоит понять поступки людей, найти точки опоры, стать сильной, чтобы в итоге прийти к главному и научиться жить заново.

© Перфилова Е.

© Издательские решения

Полёт над цюрихским озером

Екатерина Перфилова

© Екатерина Перфилова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– И вот я сижу перед вами. Запутавшаяся и не понимающая, что делать дальше. Мне двадцать пять лет. Говорят, что лучшие года впереди. Но всё самое лучшее у меня уже было, ощущение, что я изжила себя. Я боюсь начать пить. Сейчас я пью вино за обедом и вместо ужина. Это вошло в привычку. Люблю коньяк. Когда я пью, я мало ем. Честно говоря, есть в последнее время не хочется. Нет, анорексии я не боюсь. Я боюсь другого. Выйти за эту дверь и начать новую жизнь. Оглушённую прежними потрясениями... Я не очень верю, что курсы психотерапии мне помогут. Но у меня много времени, есть деньги, и это было желание того, кто мне их дал – чтобы я жила дальше. Нормальной счастливой жизнью. Счастье с неотступным чувством вины и недосказанностью перед ними всеми. Я в него не верю, извините. Кажется, я много говорю, хотя вы просто попросили меня ответить на ваши несложные вопросы – «Что вас беспокоит?» и «Расскажите о себе».

– Всё правильно, Жюли. Вы здесь, чтобы говорить. Необязательно ваши мысли должны быть последовательны. Пусть слова выходят, независимо от вашего желания. Позвольте себе быть свободной, – доктор Фур мягко улыбнулся своей новой пациентке, не сводя с неё глаз, внимательно разглядывая лицо и движения. Эта девушка просила назначить ей приём на ближайшую дату. Точнее, просили это сделать за неё. И в данном случае отказать было невозможно, окно нашлось, задвинув плотный график доктора.

– Я была свободной. Насколько вам известно, закончилось это не очень хорошо. Но я не хотела того, что случилось со всеми нами. Я... Вы понимаете, я просто следовала своим чувствам. Только-только научилась понимать себя и свои желания, определять, чего хочу. Пугалась и не хотела принимать. А потом не могла разорвать этот круг отношений, мы как будто были нужны друг другу, став одним целым, противоречивым, но необходимым. Но главное, я действовала искренне. Хотя, может, в этом всё и кроется. И я, правда, больная. Не такая, как все. Я никогда не могла себя сопоставить с другими людьми. Помню, маленькой я любила бывать одной. Это было вынужденное одиночество, но я научилась с ним справляться. Это стало моим преимуществом. Знаете, мне никогда не было скучно. Я всегда могла себя занять. Ещё я очень тяготела к удовольствию в любом его проявлении, – Жюли замолчала и сняла с себя болезненную улыбку, – извините, я снова много говорю. Может быть, говорить совсем не надо. Просто вы сказали «будь свободной». Я стала хорошо слушать команды. В последнее время много таблеток пропила, эмоции и чувства притупились.

– А что вы чувствуете сейчас?

– Ноябрь. На улице вроде сентябрьское солнце, но на душе холодно, тоскливо. Я смотрю на мир, и только маленький процент моего полушария воспринимает сигналы жизни. Грустная картина вырисовывается. Как же я не люблю жаловаться. Всегда ругала таких людей и не понимала, зачем они это делают. Казалось бы, что здесь такого, всего лишь странные несчастные отношения – с кем не бывает. Ну, да, с элементами психоза. Но тоже ведь не новость, да? – Жюли бормотала перед собой, казалось, не обращая на доктора никакого внимания. Всем своим видом представляя безысходность и опустошённость. Слепо стараясь нащупать, куда сделать следующий шаг.

– А сами вы чего хотите добиться с помощью нашей терапии? Или без неё. Просто скажите, Жюли, что вы хотите делать дальше и где себя видите?

– Наверное, надо найти новую работу. Поменять сферу деятельности, чтобы полностью переключиться. Может быть, няней для начала. Как вы думаете, меня возьмут няней? Детям не будет опасно со мной? Да что же это я... Что со мной сделали? Какие лекарства мне вкалывали, что я у вас это спрашиваю, как будто действительно по заслугам попала к вам на приём. Я здорова. Просто стресс и лёгкая рука доброжелателя. Мне нужно время. С вашей помощью, я надеюсь, смогу справиться быстрее.

– Конечно, Жюли. Наша цель – разобраться с событиями в вашей жизни за последний год. Мне говорили, что вы во всём вините себя, и это мешает вам жить.

– Так и есть. Я виновата во всём, что случилось. Дала волю чувствам, стала собой. Мне так кажется. Узнала новую себя, испугалась, закрылась и получила удар в лицо. Вполне заслуженно. Я это тоже осознаю и не в праве кого-то ещё ругать.

– Сейчас вы жалеете о том, что произошло?

– Жалею ли я? Нет, не думаю. Я столько поняла и испытала огромное количество переживаний, эйфорию. Насколько плохо мне было, ровно настолько же и хорошо. Понимаете... Просто теперь я не знаю, что с этим багажом делать. Такое больше не повторится. Передайте ей, пусть не боится, я не буду никого искать.

– Это в первую очередь важно для вас. Постараться извлечь лучшее из того, что было и абстрагироваться, не нести на себе груз переживаний. Вам всего двадцать пять лет – вы испытывали что-то сильное, и теперь вам кажется, жизнь ярче и насыщенней уже не станет. Однако уверены вы в этом быть не можете. Жизнь трансформируется во что-то иное, будут другие поводы для радости. А сейчас я бы хотел вас попросить рассказать эту историю с самого начала. Знаю, больно, неприятно, но нам надо через это пройти ещё раз.

– Это не больно. Это... это странно, необычно. Я смотрю на всё произошедшее глазами другого человека. И не могу поверить, что речь про меня. Я – главная героиня. Знаете, раньше, когда смотрела фильмы – всегда восхищалась бездумными поступками женщин, смело идущих навстречу своим желаний. Они знали, чего хотят – получить от этой жизни всё, что им положено и даже больше. Я решила попробовать. Спонтанно, ненамеренно. Просто в какой-то момент поняла, что отступать дальше нельзя, иначе я затухну, будучи живой. Интересно, как один год жизни смог перечеркнуть все, что было до этого. Перевернуть повседневный уклад. А ведь ничего не предвещало. Сейчас я соберусь. Прокручу плёнку из мыслей назад. Так, всё, кажется, я готова. Можно, да? – Жюли нервно теребила пальцами и щурила глаза, в которых понять что-то было очень сложно. Её взгляд был обращён внутрь и, кажется, разрешение она тоже спрашивала у себя. Вся её речь строилась на обрывках фраз, бессвязного порой текста. Слова, которые многоточием оставались висеть в воздухе и наполняли собой комнату.

– Не воспринимайте это как задание. Постарайтесь почувствовать то, что испытывали тогда. Если приятно – улыбайтесь, грустно – плачьте, хотите – кричите или же молчите.

– Хорошо. Я сейчас все равно не в той ситуации, чтобы бунтовать, – Жюли, не отрываясь, смотрела в окно. Как будто пыталась выловить взглядом очертания гор, озёр, солнечных отблесков на воде. Расслышать смех за окном и почувствовать работу мышц спортсмена, бегущего вдоль дороги. Ничего. Тщётные попытки ещё недавно жаждущей жизни девушки. Она притупила взгляд и посмотрела на свои туфли, чёрные лакированные. Именно в них она прошлой осенью пришла в кафе на встречу со своей бывшей одноклассницей.

– Сколько лет мы с тобой не виделись? Десять? Как же я рада тебя видеть! Любовалась твоими фотографиями, но в жизни ты ещё лучше. Я помню такого хрупкого маленького ребёнка, – Жюли с восторгом смотрела на эффектную блондинку и искренне была рада встрече.

– А сейчас от моей хрупкости ничего не осталось, – шутливым тоном ответила Мила.

– Шутишь? Ты в замечательной форме. Между прочим, тебя расхваливал Андрей. Помнишь его? Мы недавно виделись, наши родители до сих пор дружат. Вспоминали одноклассников. Но в большей степени говорили о тебе. Как же ты похорошела... Нет, ты и раньше была какой-то особенной. Но сейчас так повзрослела....

– Время пока к нам благосклонно. Рассказывай, как ты, где ты?

– Решила попробовать свои силы в Цюрихе. Очень обрадовалась, когда узнала, что здесь есть знакомые. Ты, как я понимаю, в Швейцарии с семьёй?

– Да, папа гастролирует по всему миру, но осесть решил в Альпах. У мамы новый творческий этап в жизни – скоро открытие её первой выставки в Швейцарии. Представляешь, после долгого затишья такой крутой виток в жизни. Не знаю, что на неё так повлияло. Может, кризис среднего возраста. Но она рисует целыми днями. Радостно на неё смотреть.

– Вы всегда были такой дружной семьёй. Красивая мама, интеллигентный папа, умная дочка. Образец для подражания, – Жюли вспомнила, как она первый раз пришла к ним в гости на Баррикадной, в одну из главных высоток Москвы. Квартира досталась семье от родителей, профессорской элиты, Александра Викторовича, отца Милы. Там они и проживали до тех пор, пока не переехали в город с чистым воздухом и горным пейзажем. Жюли тогда потрясла атмосфера внутри этой семьи и забота друг о друге. Казалось, что они ограждены непроницаемой защитой, и ничто не могло их потревожить. Переезд в Швейцарию – логичное продолжение, – А ты учишься или уже работаешь?

– Изучаю изящное искусство, дополнительно хожу на курсы кураторов выставок, а по выходным выпиваю, – Мила хитро улыбнулась.

– Прости, что ты делаешь?

– Всё в порядке, учусь на сомелье и прохожу практику у местных виноделов. На самом деле я вполне довольна своим образованием. Конечно, это занимает почти всё время. Но мне очень интересно. А ты здесь как оказалась? На учёбу приехала?

– Не совсем. Меня от издательства отправили на год, я журналист. Не знаю, помнишь ли ты, но я всегда писала. Везде – в поезде, на уроках, в парках. Поэтому выбор я себе не предоставила, поступив на факультет журналистики. Но, оказалось, писать по заданию на разные, порой скучные темы, не так заманчиво. Поэтому во время учёбы я наводила справки, стажировалась в различных компаниях и, когда пришло время выбирать, одно издательство сделало мне весьма заманчивое предложение. Им нужен был человек с уверенным немецким и английским, легко адаптируемый в другой стране, и, главное, с хорошим чувством письма. Если честно, я о таком даже мечтать не могла. Теперь в течение года буду собирать интересные заметки о здешней жизни, а в конце, из самых интересных статей, сделают книгу. Она выйдет в серии немецко-говорящих стран. Квартиру мне здесь очень симпатичную нашли. Небольшую, но с потрясающим видом на озеро.

– Ты сейчас об этом рассказала, и я поняла, что моя жизнь довольна пуста. Все мои заслуги – результат родителей. Мне до тебя ещё расти и расти.

– Пить и пить ты хотела сказать? – Жюли рассмеялась и демонстративно допила вино.

– В моём случае именно так, – поддержала её Мила, – какая же ты молодец. Всегда такой была. Скромной, с хвостиком, в очках с умными глазами. Отличалась от других, одним словом. Ты как будто уже тогда понимала больше нас. Знала, почему происходят те или иные вещи.

– О да, я действительно отличалась. Незнанием точных наук.

– И умением не смотря ни на что получать хорошие оценки.

– Это всё видимость. Знания важнее. Сейчас я это понимаю. Чувство, что ты что-то сделала правильно и хорошо, важнее критического отзыва другого человека. Вот про вашу семью всё что угодно не говори, она все равно останется прежней, крепкой, – Жюли была уверена в своих словах ещё потому, что сама искала таких отношений, чистых, основанных на преданности. Семейю Милы взяла за ориентир.

– Всякое может случиться. Никто не застрахован. Человеку, даже самому консервативному, порядочному, что-нибудь в голову ударит и его понесёт во все стороны. Впрочем, это я фильмов насмотрелась, – Мила заговорила другим тоном, в глазах появилась осторожность. Она отпила эспрессо чуть дрожащей рукой, – Но не будем про это. Какая разница, что и у кого бывает, правда? Сейчас всё хорошо. По крайней мере, я привыкла так думать. Извини, – отвечая на звонок, Мила внезапно стала другим человеком, время от времени запрокидывая голову и поправляя прядь волос.

– Знаете, она говорила таким переливистым голосом, как актриса, нарочно громко смеялась, взгляд её поддался изменению. Стал таким живым, таким манящим. Хотелось участвовать в этой радости жизни и находиться где-то посередине, между телефоном и тем человеком на другом конце провода. Я не могла оторвать от неё своего взгляда. Она была той, кем я всегда хотела быть, лёгкой, воздушной. Той, что так нравится мужчинам и той, которая умеет ими управлять, – Жюли посмотрела на доктора и чуть улыбнулась, – вы ведь понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю. Встреча двух бывших одноклассниц спустя много лет. Вы не знали, кого увидите, каким человеком она стала. Вы привыкли вести другой образ жизни. Хорошо учиться и много работать, но краем глаза заглядывались на иную жизнь и поведение людей. Мысли, которые так далеки от ваших, но они глубоко проникли к вам в сознание. И вот яркая девушка, ваш пример, сидела напротив и громко смеялась, не обращая на других внимания, – доктор Фур кивнул в подтверждении своих слов.

– И меня это так восхищало. Такая беззаботность и концентрация на одном человеке, в данном случае невидимом. А потом Мила так же легко переключила внимание на меня, как будто и не было этого звонка.

– Жюли, а что с твоими чувствами? Ты влюблена или только любима? – Мила снова хитро улыбнулась.

– Любима ли я – не знаю. Судя по всему, не очень. Про себя могу сказать, что не влюблена. У меня всё так тихо, что иногда страшно. Недавно закончились отношения с одним молодым человеком. Я не хотела с ним больше общаться. Мы смотрели друг на друга и увлечённо были заняты своими мыслями. Один мужчина мне нравился. Он был на несколько лет меня старше. Пару раз увиделись и разошлись. А жаль...

– А на сколько это насколько?

– Ты попала «в точку», на двадцать. Мы познакомились случайно на одном семинаре. Его было видно издалека, – Жюли впала в воспоминания и на пару секунд закрыла глаза, – а потом всё. Закончилось, не успевши начаться.

– В любом случае опыт, эмоции – это самое главное. Если бы отношения затянулись, потом было бы сложнее расставаться. А так, облако приятных мыслей из прошлого. Главное, ты что-то чувствовала. Тренировала свою душу, подготавливала её к чему-то более важному в своей жизни.

– Ты права. Так легко и естественно ты всё это произносишь. Мне бы хотелось научиться твоему умению вести себя непосредственно. Вот так переключать внимания на собеседника, чтобы в этот момент он казался себе самым значимым и важным.

– Что? Правда? Я ничего специально не делаю. Это выходит как-то само. Наверное, природное женское чутьё.

– Это твой дар. Не знаю, можно ли его развить...

– Конечно, можно. Тебе надо больше общаться, научиться нравиться и показывать свой интерес. Это не так сложно. Главное, не сидеть молча с недовольным видом. Тебе должно быть весело, настройся на игривый лад, – Мила приняла соответствующую манерную позу.

– Но тогда это буду не совсем я. Я не очень-то общительная. Мне куда ближе роль наблюдателя в компании. Хотя, когда встречаю своего человека, того, кто мне кажется близким и понятным, с тем раскрываюсь. Как с тобой сейчас.

– Да, я вижу, чувствую это. Ты уверенная, красивая девушка и достойна большего, чем думаешь. В тебе есть этот магнетизм, только ты его почему-то стесняешься. А пойдём в пятницу вечером в моё любимое место, – предложила Мила, – с непринуждённой, расслабленной атмосферой. Совладелец бара русский, наших соотечественников там можно часто встретить. Плюс ко всему красивый вид на озеро.

– Мне надо сверить планы, я тебе сегодня чуть позже скажу? – Жюли не была уверена, хочется ли ей туда идти. Боялась почувствовать себя не в своей тарелке, хотя любопытство брало верх.

– Ну вот, снова эти придуманные отговорки. Я же знаю, будешь сидеть дома со своими текстами, в лучшем случае книжку считаешь. Но поверь, это ты ещё успеешь сделать. Надо уметь совмещать работу с отдыхом. А то будешь очень умной, а поделиться знаниями будет не с кем. Не дело это, моя дорогая, – Мила довольно подвела итог своего выступления.

– Ну, хорошо, я доверюсь тебе. В пятницу буду в твоём распоряжении и полностью полагаюсь на тебя, – Жюли улыбнулась, дав понять Миле, что готова к приключениям.

– И эта была ваша первая встреча, верно? – доктор обратился к Жюли.

– Да. Разговоры ни о чём. Мы давно не виделись, было лишь поверхностное обсуждение своей жизни. Но знаете, что мне понравилось? Никто из нас не пытался казаться лучше, чем есть. Может быть, только первые пять минут. А потом мы поняли, что бояться нечего. Нам интересно друг с другом. Мила неординарно мыслила и строила фразы. Так говорить могла только она. Мне хотелось научиться её лёгкости, заразиться громким смехом и счастливым взглядом. Ничего другого у меня в мыслях не было.

– Мила думала точно так же? Как вы считаете?

– Я не могу с уверенностью за неё отвечать. Но, мне кажется, что да. Что ещё её могло тогда заинтересовать. Разве только русская подружка в Цюрихе. Не так легко найти близкую душу, а уж в другом городе тем более. Но что я вам рассказываю, вы это знаете лучше меня.

– Да, действительно. Хорошо, Жюли, продолжайте. В следующий раз вы встретились в пятницу в баре?

Жюли долго подбирала свой костюм для пятничного выхода. Всегда у неё присутствовал этот внутренний мондраж. Из-за желания выглядеть на уровне и казаться беззаботной. Почему она так боялась принять себя такой, какая есть? С грустными глазами и тихим голосом. Восхищалась кинодивами, у которых был свой шарм, умение подать себя и остаться незабываемой. Сравнивала себя с ними, даже пыталась подражать, но переделать себя трудно, да и надо ли. Постепенно к ней приходило понимание своей индивидуальности и взращивании своего внутреннего «я». С чем-то она пыталась бороться, в подростковом возрасте бунта не устраивала, но зато в свои двадцать пять пыталась эпатировать и отличаться от остальных. Желательно в лучшую сторону. Любила залезть к себе в душу и находить в ней давно забытые переживания. В прошлом находила ответ на свои нынешние реакции. Можно сказать, что Жюли любила жизнь и людей. Ценила и пыталась что-то лучшее из неё сделать. Время уходит слишком быстро и так жалко проживать дни похоже. В ней боролась ответственность, желание быть прилежной с чувством любопытства. Она понимала, что уже упустила или упускает вот сейчас, в этот самый момент, что-то важное, изучая историю Швейцарии. Полезная для работы информация, но это не её жизнь. Работа – это ещё не всё, хотя и без неё полноценно жить не получится. Но не было того, кто бы пошатнул её чашу весов и призвал довериться своему голосу, веселиться и хотя бы пару раз следовать своим желаниям, взяв от жизни чуть

больше дозволенного нормой. Выйти за установленные собой рамки. И вот, кажется, появился тот самый человек, готовый потянуть за собой. В Миле она чувствовала энергию и готовность ею поделиться, разделить несколько часов весёлой молодой жизни. Переступив порог бара, она сразу увидела подругу, которая изучала меню и параллельно писала в телефоне.

– Привет, пойдём на веранду. Ближе к ночи там места не будет.

Мила, подхватив Жюли под руку, выбрала центральные места. Вид с веранды открывался великолепный. Звёзды отчётливо виднелись на тёмно-синем небе, лунная дорожка, словно с картин Клода Моне, расстилалась по озеру, а с противоположной стороны, перемигивались огни домов и фонарей. Свежесть воды и ветра наполняли атмосферу лёгкостью. Хотя бы ради этого стоило сюда прийти, подумала Жюли. Она огляделась вокруг себя, заприметив несколько молодых особ, разговаривающих на английском.

– Здесь интернациональная компания собирается, – сказала Мила, перехватив взгляд Жюли, – и весьма творческая. Художники, модельеры, модели, дизайнеры – богема, одним словом. В Москве много таких заведений, здесь редкость. Ловлю глоток свежего воздуха. Ты знаешь, я здесь что-то вроде свободы ощущаю. Сложно объяснить, но ты ведь меня понимаешь?

Через два часа ситуация на веранде изменилась, которая теперь действительно была полна новыми яркими посетителями. Французский сплетался с русским, а русский с немецким. Отовсюду доносились радостные голоса и чоканье бокалов. Спектакль был в самом разгаре, когда вошедший мужчина проскользнул глазами по Миле. Потом ещё и ещё раз. Мила, замедлив разговаривать, молча ответила ему, сделав хитрый прищур. Через минуту он подошёл к столику.

– Думаю, я не ошибусь, начав говорить по-русски? – мужчина перевёл взгляд на Жюли, которая с интересом за ними наблюдала.

– И по-русски и как вам угодно, – ответила Мила.

– Присоединяйтесь к нам. Так хочется с вами поговорить.... Меня, кстати, Володей зовут.

– Мила. Жюли. И почему же вам так хочется с нами поговорить?

– Вы какие-то радостные.

– Предлагаете вас веселить?

– Скрасить вечер. Для начала. Да просто пообщаться...

– Если нам здесь наскучит, мы передвинемся к вам, разукрасим, – твёрдо ответила Мила и очаровательно улыбнулась.

– Будем ждать, – Володя ещё раз пристально посмотрел на девушек и вернулся к своему столику.

– Неожиданно как, да? – спросила Жюли.

– Да нет, наоборот всё очень ожидаемо. Мы. Они. Свежий ветер и шампанское такое игристое. Обожаю. Надо выждать минут двадцать, прежде чем к ним пересестись.

– Ты что, правда, хочешь к ним? Но зачем? – удивилась Жюли. Ей казалось, они и так хорошо сидят, приятно общаются.

– Они такие весёлые, ты только посмотри. У них такая сбивчивая энергетика. То, что тебе нужно.

– Энергетика? Про это я не думала. Ещё не успела почувствовать. Чужие они какие-то, – Жюли с опасением посмотрела на соседний столик. Потом перевела взгляд на Милу. Та, не моргая, смотрела на мужчин и была похожа на дикого животного. Глаза расширенные и хищная улыбка, – но вижу, выбора у меня нет. Пойдём.

Мила всё так же, не смотря на подругу, встала, и уверенно направилась к новым знакомым. Жюли чувствовала себя не очень уютно, всё время поправляя волосы, облачиваясь на спинку дивана и приподнимаясь обратно. Слишком часто подносила бокал с вином ко рту

и довольно мало говорила. Сидела, как ей казалось, с глупой улыбкой на лице, иногда комментируя что-то. Мила же была центром их образовавшейся компании. Не уставала шутить, кокетничать и ярко выражать свои эмоции. Конечно, мужчины были очарованы. Молодостью и приятной простотой.

– Мне сложно вспомнить, о чём мы говорили. В голове возникают лишь обрывки фраз. Я была уже порядком выпившей, общалась с одним из мужчин. Он предлагал поехать с ним в Альпы, у него в горах шале. Нет, не после ужина. Как-нибудь на выходных. Мы обменялись номерами. Я знала, что не поеду. Для меня это всё было олицетворением сюжета какого-то фильма, где я снималась в массовке за компанию, – Жюли вспоминала вечер, стараясь не пропустить ни одной детали, – и было сложно, даже как-то нелепо, представить, что может быть какое-то продолжение. Потому что я считала, что это точно не для меня. Для кого-то другого, но не для меня.

– А почему вы так думали, Жюли? – спросил доктор Фур, поправляя очки.

– Я привыкла учиться, работать, много времени проводить дома, с книжками, фильмами. Я люблю своих друзей. С ними я себе ясна, знаю, как себя вести. Быть собой. А здесь я играла какую-то другую роль. Мне её никто не навязывал. Но смотря на Милу, чувствовала, что должна соответствовать. И внутри меня шла борьба. Хотя всё это напоминало карикатуру. И Мила играла какую-то роль. Они ведь её не знали и видели той, кого ожидали увидеть, приглашая к себе. А я знала совсем другого человека. Или нет, не так... Правильней будет сказать, что в ту ночь я познакомилась с кем-то новым.

– Но вам нравилось, как ведёт себя Мила? Вам не было за неё стыдно?

– Я была удивлена. Мне бы очень хотелось также уметь себя вести, не замыкаться, но у меня не выходило. И некоторые действия, как мне казалось, получались будто бы специально, нарочно. Мне было до неё далеко. На самом деле, имея абсолютно разный жизненный опыт, я бы и не смогла даже сыграть роль, готовой на всё девушки. Сейчас я это понимаю. А тогда я предпочитала тихо напиваться в своём уголке, по необходимости поддерживая разговор с соседом за столом и наблюдая за разворачивающейся мизансценой. Не помню, как потом добралась до дома. С утра проснулась с тяжёлой головой, ничего не хотелось. Хотя не могу не признать, что на душе было как-то по-иному.

– А как именно? Что вы чувствовали, Жюли?

– Сложно сказать... Возможно, было ощущение полноты какой-то. Я провела вечер не как обычно. И мне это понравилось. В конечном итоге ничего страшного не произошло. Две симпатичные девушки провели вечер в компании весёлых мужчин. За их счёт пили и ели. И без зазрения совести уехали домой. Наверное, так... Как сказала Мила, подпитались их энергией. Больше мы от них ничего не ждали. Я должна была расслабиться и постараться получить удовольствие, не думать о вечном, а жить сейчас, распробовать вино какого-то удачного урожая. Мила была в теме, а я, как не удавшийся суфлёр, старалась следовать её тексту.

Жюли бродила по квартире с чашкой воды. И всё же немного стыдно ей было перед собой. В этот тёплый, солнечный день она себя ужасно чувствовала и была готова провалиться дома. Это чувство вины так незаметно подкрадывается, медленно отравляя жизнь. Начинаешь думать о том, что не следовало проводить ночь в пустых разговорах, так много пить. Вместо расслабления сплошное напряжение.

– В моём небольшом мире произошло землетрясение. Возможно, я всё преувеличивала и примерила на себя образ, который раньше наблюдала лишь издали. В Москве я читала истории, подслушивала разговоры в кафе и даже брала интервью у беззаботных дам. Они не выглядели грустными или рассерженными на судьбу, позволяя себе делать то, что хотят. Они мне

не казались пустыми. Каждая была права и неотразима в своём досуге, пусть и пустяковом, незначительном. Они были влюблены в жизнь, в окружающих их людей. И мне внутренне тоже хотелось большего. Мне было интересно, а смогу ли я, вот так беззаботно себя прожигать. Но потом эти мысли отбрасывала в сторону. Не потому что я им в чём-то уступаю, а потому что, позволив себе быть более легкомысленной, я уступлю себе. И тогда начнётся война. А я не уверена, что смогу в ней выиграть.

– А что вы думали в тот момент про Милу?

– Что она то уж точно не мучается. Спит спокойно, а вечером снова с кем-нибудь встретиться. Или будет сидеть на ужине вместе с родителями и их друзьями. И там она тоже будет вписываться самым естественным образом. Особенность такая – везде быть собой. Или талант. Нет, я ей не завидовала. Я думала, как этого достичь. Как не сломать себя, но играть по своим правилам. Не глушить себя, а делать спонтанные вещи. Когда как не сейчас, ведь так? Я неплохой журналист, умею добывать материал, разузнавать новое. А вот себя не знаю совсем. Мне стало интересно, как далеко я могу зайти.

– Что вы имеете в виду, Жюли? – доктор Фур прищурил глаза и поправил очки. Его тело оставалось прежним, не подавало признаков волнения. Однако дыхание стало чаще и взгляд сосредоточенней.

– Как бы вам объяснить. Сейчас нелегко вспомнить ту последовательность моих мыслей. Просто я решила расслабиться. Впитывать знания и поведение людей, которые мне нравятся. Проводить с ними время и не стесняться себя. Отклеить скотч со рта. Я не всегда умею слышать людей. Пропускаю их слова мимо, когда они не столь важны для меня. То есть не дополучаю какую-то информацию. Для журналиста – непростительная ошибка. Для человека ещё хуже. Тем самым, я больше уединяюсь, ухожу в себя. Как же я себе интересна. Внутри меня я не ругаюсь, довольно хорошо понимаю, но трясусь от страха при виде чего-то нового. Ведь я не знаю, чем мне это может грозить. Я привыкла к правильной, маленькой Жюли. Внутри меня сидит солдатик, готовый, если нужно, защищаться и обороняться. Он крайне недоволен, если что-то выходит из-под контроля. Я ему благодарна, но иногда за это просто ненавижу. Ужасное слово, но это правда.

– А когда этот солдатик вошёл в вашу жизнь? Когда вы позволили ему взять над вами верх?

– Я...я не помню. Он всегда был рядом. Росла я, и он рос вместе со мной. Родители меня любили, любят. Хотели видеть меня лучшей во всём. Может, это их голос звучит в моей голове – «без права на ошибку».

– Какие у вас с ними сейчас отношения? Вы им всё можете рассказать?

– Хорошие, не самые близкие, но вполне доверительные.

– Довольно кратко. Это всё, что вы хотели бы о них сказать?

– Пока да. Я их люблю, они меня тоже – Жюли пристально смотрела в глаза доктору, без сомнений и колебаний.

– Хорошо. Пусть так. Расскажите, когда состоялась ваша следующая с Милой встреча?

– Мы переписывались в течение недели. Потом неделю молчали. И вдруг я от неё получила смс с предложением встретиться. В том же месте, где мы были в прошлый раз. Я согласилась. Надо сказать, эти две недели были насыщены работой, времени на отдых и шагов вперёд не нашлось.

– Мы с Володей несколько раз переписывались за это время. Он предлагал встретиться, я не могла. У меня были то курсы, то ещё какие-то встречи, то не было желания...

– У тебя не было желания?

– Желания так быстро соглашаться на встречу. У меня появляется азарт, когда мужчина проявляет ко мне внимание. Мне хочется сделать из этого игру.

– А его приход сюда тоже был спланирован твоей игрой? – Жюли указала на вход.

– Что? И он сегодня здесь... Я подозревала, что мы можем их здесь встретить. Да что уж говорить, мне этого даже хотелось, – Мила улыбнулась своей ослепительной улыбкой, на которую зашедшие мужчины среагировали мгновенно.

– В этот раз я говорила больше, кажется, всем было интересно меня слушать. Только один раз Алексей, их друг, сказал мне тихо: «Ты сейчас играешь, ты другая». Мне было неприятно это слышать. Я хотела именно «быть», «не казаться». После этого я снова замкнулась и стала больше пить. К нам присоединились две девушки странного вида, но они вызвали во мне интерес. Говорили про космос и его влияние на нас, мужчины тоже заинтересовались. Они любят таких диковинок попробовать. Мне снова стало легко и хорошо. Потом Володя предложили пойти к нему в офис. Надо сказать, это больше напоминало квартиру, в которой раньше жили. В ней было две огромных комнаты, зал и спальня, длинный коридор и кухня, а ещё небольшая комнатка со стиральной машиной. Также были книги, фортепиано и, конечно, коллекционное вино. Которое мы с большим интересом стали дегустировать. Вкус был очень насыщенным, вино крепким, хватило полбокала, чтобы потерять себя в пространстве. До этого мы тоже пили не воду. Настроение было весёлое, и я, честное слово, не помню, как мы перешли в другую комнату. Сначала там оказались Мила с Володей, а потом каким-то образом и я в ней очутилась. Сейчас у меня в голове лишь обрывки, вспышки от увиденного, от полученных ощущений.

– Я правильно понимаю, что вы были именно втроём?

– Да, правильно, но мы просто целовались. На большее никто не пошёл. То есть Володя хотел. Но мы были против. Я не понимала, что делаю. И как получилось, что я целуюсь с девушкой, с моей подругой. И почему сама так этого хочу. Мне понравилось и не хотелось останавливаться. В промежутках мы долго разговаривали. Можно даже сказать, он учил нас жизни. С лёгкостью и в удовольствие. Доказывая это на своём примере. При этом, дома у него жена и четверо детей. Или же четвёртый должен был вот-вот родиться.

– Вы об этом так просто говорите, Жюли. Данный факт вас не смущал?

– Я его не знаю, как не знаю и его семью. Я вообще не могу быть уверенной в его словах. Может, он специально так говорил, чтобы мы на большее от него не рассчитывали. Потом я ушла в гостиную. Стала искать что-нибудь из еды. Но ничего не найдя, села на подоконник. И ощутила какую-то невероятную тяжесть. В моменты такого состояния я обычно кому-нибудь пишу, мне надо высказаться. А здесь и написать некому. И, главное, о чём? О том, что я веду себя аморально, целуюсь почти с незнакомым мужчиной, что ещё хоть как-то объяснимо, но также и с подругой. С подругой и с ним... В его офисе! Я вам это рассказываю и не могу поверить в реальность происходившего. Но всё так и было. Думаю, и вам сложно поверить. Мне было так невыносимо плохо. Хотелось спрятаться от себя, стереть из памяти эту ночь и свои действия. Я как будто опустилась и вернуть благоразумную Жюли возможности не было. Так как нельзя было закрыть глаза и сделать вид, что ничего не произошло. Я не знала, как реагировать, как смотреть в глаза подруге. Или кем она теперь для меня являлась. Мне хотелось убежать. Этого всего стало так много, минуты ночи перемешались и, казалось, был один сплошной поцелуй... Я сидела на подоконнике, смотрела на небо, а Мила с Володей оставались в спальне. Меня не волновало, чем они там занимались. Мой мир сузился до размеров этой маленькой комнаты. Наступил рассвет, пять часов утра. Я не видела выхода, но не собирала свои вещи, не уходила. Мне кажется, я ждала тогда какой-то команды. Была готова на всё. Одна часть осталась бы сидеть сокрушаться, а другая бы пошла навстречу себе, ещё до конца себя не узнавая. Но вот Мила вышла. Они вышли вдвоём. И стали говорить, что любят друг друга. Я слушала и не слышала. Просто не веря, кивала и улыбалась. Всё так логично ночью перемешивается и никогда не хочется спросить «почему» и «зачем». Сейчас любим, с утра

нет. И что с того... Ночью всё так легко запивается и мы те, кем хотим быть. Это такое чувство... Я не могу вам передать. Но в эти минуты живёшь как будто. Тогда я этого ещё не понимала. Мне хотелось вырваться и сделать глубокий вдох свежего воздуха. Каким-то образом мы с Милой оказались в машине, потом у меня дома, взяли купальники и пошли в парк. Погода была на удивление тёплая. Я не могла к ней относиться как прежде. Какая-то стенка появилась. Мы дремали на лужайке, молчали. Я мало, что помню из того дня. Наверное, я так хотела его забыть, что стёрла усилиями мысли. И хорошо. Именно тот день я не люблю вспоминать. Сказали друг другу «пока» и исчезли на пару месяцев.

– Вы совсем не общались?

– Я следила за ней в социальных сетях, но не писала. Мне казалось, что я всё слишком преувеличила, придумала того, чего нет. А Мила продолжает жить своей насыщенной интересной жизнью, сдавая экзамены на «отлично» и делая дегустационные успехи. А я... А что я? Я вернулась к работе, собрала неплохой материал. В общем, была собой довольна. Но не было чувства, что я живу. Мне не хватало красок, чувств, моя палитра эмоций была такой однообразной. Хотелось, ну не знаю, страсти, может быть. Снова что-то обдумывать, анализировать. Просто та ночь была самой яркой в моей жизни. Она сошла с какого-то фильма или сна. И мне было сложно поверить, что место там нашлось и для меня.

– Когда состоялась ваша следующая встреча?

– Примерно через три месяца. Мила написала, что видела мою статью. Ей очень понравилось, и мою работу она сочла весьма талантливой. Когда увидела от неё сообщение, сидела несколько минут и не решалась открыть. Сразу стала корить себя за то, что не написала ей раньше. Мне её очень не хватало. С чего? Почему? Не могу дать на это ответ. И что значило её сообщение тогда, мне было тоже сложно сказать. Мы встретились на крыше одного бара. Издалека строился наш разговор, постепенно нащупывая дорогу друг к другу. Помню, пили хорошее вино. Сначала скованно, потом постепенно снова появилось это чувство свободы. Не сводила с неё глаз. Мы проговорили часов до двух ночи и с сожалением расстались. Как всегда, в ней было много жизни, красоты, такой, знаете, неопишуемой, что-то глубже и сильнее обычной внешней привлекательности. То, что называют харизмой и то, что притягивает как магнит. Мы уже не сидели друг напротив друга, а находились совсем близко, я держала её руку и жалела, что не сказала раньше «Я так по тебе скучаю». Она сильнее, умнее, что написала. А я просто ждала. Как обычно. В этом наше самое большое различие. Я боюсь, что мне сделают больно, а Миле это было неважно. То есть гораздо важнее для неё было сделать шаг. Ведь кто захочет – пойдёт на контакт. А кто нет – тот не её человек. Такое простое и такое сложное жизненное кредо. Но всё же она всегда тянется к любви, ей важно чувствовать жизнь и тепло каждой клеткой своего тела.

– Она верно рассуждает, ваша подруга. Это смело и правильно. Дальше вы, Жюли, поступали именно так?

– Если бы. Мои мысли тогда спутались. Как спагетти в тарелке. Но мне было интересно их разбирать. Наверное, не всё так плохо было, раз интерес к себе не угас. Через какое-то время как по заказу мы встретились с нашими друзьями...

– Как это случилось? Кто первый вышел на связь?

– Мы встретились с Милой после её занятий. Зашли поужинать...

– Жюли, какие у тебя дальнейшие планы? Я сегодня в любом случае гуляю. Всю неделю училась, надо восстановиться. Ты со мной?

– Я не знаю. А куда пойдём?

– Ну... Можно было бы написать нашим друзьям. Если ты, конечно, хочешь. Я по ним слегка соскучилась, – Мила сделала детское выражение лица, умоляющее.

– Хорошо, давай, – Жюли странным образом тоже хотела снова их увидеть, с удивлением отмечая про себя данный факт.

– Минут через пятнадцать они ответили. Ждали нас в том же месте. Я, конечно, очень волновалась. Как нас воспримут. Они же, мужчины, всё обсуждают. Кто с кем и как прошло. За их столиком сидела девушка, разговаривала с Володей. Все были дружелюбно настроены, смеялись, болтали. Непринуждённо, как я и люблю. Через некоторое время Володя со своей пассивой ушёл. Заметила, каким недобрым взглядом их проводила Мила. Ей было непривычно видеть, что мужчины заинтересованы в ком-то больше, когда она рядом. Мне было безразлично, куда и с кем он отправился. Нас осталось трое.

– Лёш, дай я тебя сфотографирую. Какая у тебя хорошая кожа. Как у младенца, – Мила беззаботно нахваливала Лёшу.

– Спасибо нашим русским баням за это.

– Что? Ты здесь в русские бани ходишь?

– Иногда в хамам. Но при желании можно найти всё. Горный воздух помогает. Хотя ведением здорового образа жизни похвастаться не могу, сами видите. Кому подлить?

– Мне достаточно, – Жюли отодвинула свой бокал, – на сегодня хватит. Я, наверное, пойду. Тяжёлая неделя была, устала.

– Как? Уже уходишь? Подожди, я тебя о многом хотел ещё спросить.

– И я осталась. Краем глаза посматривая на Милу, наблюдала за ней. Она тоже на меня смотрела. И от этого было тепло. Мы пошли танцевать. Казалось, вокруг никого не было. Только я и она. Странно, я так хорошо это помню. Могла бы прямо сейчас повторить все движения той ночи. Потом мы оказались на улице, весело что-то крича и напевая. Затем сели в машину Лёши. Его водитель нас куда-то вёз. Меня. Куда-то. Вёз. Расскажите это днём серьёзной Жюли. Она вас пошлёт. То есть нет, просто усмехнётся. Потому что в глубине души поверит, но виду не подаст. Никто не должен о ней знать больше, чем она сама позволит. Невинными глазами я смотрела на ночной Цюрих и думала до чего прекрасно здесь. С ней. Да и спутник вполне приятный, хороший номер снял. Мы оказались в одном из лучших отелей, с потрясающим видом. Были там, где и должны были быть. Как бы безумно это не звучало. Но у меня было именно такое чувство. Мила стояла у окна, а мы... Лёша налил мне виски. Залпом выпила и смотрела прямо на него. Всё кружилось. Я хотела его, и он не заставил себя ждать. Ничего не смущало. В этот раз всё было так просто. Потом то ли я позвала Милу, то ли Лёша потянул её к нам. Не знаю, как так вышло, что он отошёл на второй план. Был где-то на кровати или в комнате, мне было все равно. Мы с ней были вдвоём. Я не сразу это поняла, а потом уже не могла остановиться. Что-то сильное, настоящее почувствовала. На её лице были отблески фонарей, и это было прекрасно. Я знаю, ей тоже было хорошо. Мы стали одним целом. Чувствовала её. Потом его. Единение нас. Не надо ни о чём думать. Может, так и становятся проститутками. С грустными глазами. Неважно, любишь ты человека или нет. Днём любви хочется не так, как ночью. И днём может быть стыдно, сложно, но только не в сумерках. Где отрывками слов и взглядом мы провожаем друг друга и гораздо легче встретить близкую душу. Мне жалко тех, кто не ощущал такого. Пусть со стороны я кажусь сумасшедшей, призывающей спать с незнакомцами в дорогих отелях, но эти минуты запомнятся, и будет, о чём потом вспоминать. Без сожаления. Ведь нам всем было хорошо. Каждый оказал другому услугу. У него не было такого, сразу с двумя девушками. Как же это пошло звучит. Об этом даже сложно говорить. Ведь всё тоньше, гораздо тоньше. По крайней мере, для меня. Лишь один момент выдаёт в нас аморальность. Так получилось, что в тот вечер мы с Милой были в очках и обе забыли их на тумбочке. Вы представляете! Обе забыли очки в чёрной оправе.

О чём могла подумать горничная, когда пришла с утра убирать номер. Эти очки стали нашей шуткой, сопровождающей нас долгое время.

– Через сколько дней после той ночи вы встретились с Милой?

– Буквально дня через три. Я – странно устроенное существо. Теперь мне было так легко. Мы шли навстречу друг другу и улыбались. Такой знаете, поддельно смущающейся улыбкой. На самом деле мы не стыдились, мы просто не знали, что с этим делать дальше. Не каждый день ты оказываешься в объятиях своей подруги. И что важно, хочешь в них оставаться, и она свои руки не размыкает. И вот так вы сидите долго-долго. О чём-то громко молчите. Я слышу, как она говорит «Не отпускай меня. Что бы ни случилось, не бросай. Хорошо?» А я отвечаю «Ну, конечно. Как по-другому. Я с тобой и никуда тебя не отпускаю». Вы обе в кедах, сидите на скамейке рядом с озером, закат так красиво освещает её волосы, ты невольно дотрагиваешься до них, и ощущаешь поцелуй на своих губах. А потом ещё и ещё. Кто-то смотрит – пробегают мысли. Но ты её быстро откидываешь – ведь «я свободна!» – внутренний крик. И такая благодарность к этому дорогому человеку рядом. Мы вместе. Так бывает, понимаете... Здесь толерантные люди живут, хотя краем глаза на нас всё же косились. Все равно. Я ещё крепче сжимала её руку и чувствовала себя сильной, цельной.

– Жюли, а как вы раньше относились к таким парам? Когда видели их на улице, что чувствовали?

– Честно сказать, заинтересованность. Я всегда на них оборачивалась. Встречала не так часто, но завидовала их смелости проявлять на улице свои чувства. Для меня это не было эпатажем, а вызвало скорее тёплые эмоции... И почему-то одновременно с этим так грустно становилось. Как будто и в моей жизни что-то такое было, чего я не могу вспомнить. Потом забывалось, но какая-то печаль все равно присутствовала. А тогда я, видимо, реализовывала то, что было предназначено. Что было озаменовано нашей первой встречей в зрелом возрасте. Не зря мне она так понравилась, я потянулась к ней, потом меня отпугнуло происходящее, и всё же я продолжила. По собственному желанию и, в конце концов, ощутила свободу действий. Я стала громче смеяться, слушать динамичную музыку, радовалась каждому дню.

– Вы много времени проводили вместе?

– Достаточно. Мы вместе ходили в музеи, в кино, я тайно пробиралась на её лекции по современному искусству, это было так весело. До упаду танцевали в клубах. Я уже могла при всех её поцеловать, если мне этого хотелось. И с улыбкой наблюдать, как с ней заигрывают мужчины. Я ведь знала, к кому она придёт потом. Брала меня за руку и вела за собой. Мы смеялись, что люди могут подумать, что она меня насилует. Но нас просто было не отлепить друг от друга. Мы были счастливы, понимаете, доктор... А потом было наше первое путешествие.

– Куда же вы отправились?

– Сейчас я назову приторно-сладкий город, но мы поехали в Париж. Решили это спонтанно. Просто собрались на выходные. Часто вспоминали и мысленно благодарили тех двоих, кто нас свёл. Больше мы, кстати, с ними не виделись. Необходимость этого отпала. Может, они нам для этого и были нужны. Мы об этом тогда не думали. Если честно, мы вообще ни о чём не думали. Шли прямо, не сворачивая, держась за руки, пока держится.

– Вы об этом грустно сказали.

– Конечно. Я просто вспомнила те минуты и время, проведённое в Париже. Душа моя. Я по ней скучаю, по нам тем двум с открытой душой. Хотела бы сейчас оказаться в том ресторанчике на окраине. Всё не могли поверить, что мы вдвоём в таком известном ресторане в столице Франции. Хотя мы много раньше путешествовали. Просто именно тогда поняли, что незаметно всё стало приобретать довольно серьёзный характер. Наше первое путешествие. А как мы купили бутылку вина в каком-то киоске. Мы и без этого были веселы, много смеялись, мальчик, который продавал нам вино, недоверчиво на нас посмотрел. Но что с того. Потом

оказалось, что у нас нет штопора. И открывали эту несчастную бутылку помадой. Это было очень смешно.

– Открыли? – доктор улыбнулся мягким взглядом.

– Открыли. Конечно, да. А потом была наша первая ночь в Париже. Снова отель. Почему-то волновались. Но красное сухое нам помогло. Это было серьёзнее, глубже. Это было, как признание в любви. Мы часто говорили, что нам хорошо вместе, что мы боимся потерять друг друга. Но, когда ты это ещё и чувствуешь, это сильнее в тебя проникает и доходит до мозга, до сердца. Потом Мила заснула. А я снова села на подоконник и смотрела на ночной Париж жёлтого от Эйфелевой башни цвета. По лицу текли слёзы, а в душе снова так много всего перемешалось. Я думала, что стала уверенней, ярче, что теперь у меня есть свой секрет. Ведь я была смела на улице, но признаться близким людям не могла. Я стала одиночкой и меня это, в принципе, устраивало. И я пыталась гнать мысли, которые случайно залетали ко мне в голову всё чаще и чаще.

– Мысли характера, что такие отношения не могут длиться вечно?

– Да. Боялась снова почувствовать тяжесть. И потом она так улыбалась. Я могла ею гордиться. Такая девушка любит меня, она выбрала меня. Но что-то мне не давало покоя. Я понимала, что долго так продолжаться не может. Не о таких отношениях я мечтала. То есть в них я чувствовала себя счастливой, была гармония, даже стеснения не было. Но попробовав и поняв, как это может быть, захотелось чего-то более традиционного и долговечного. Я не воспринимала нас с Милой как шутку, нет. Мы были и существовали на одном отрезке времени. А раз это было и по обоюдному желанию – это уже осознанная часть нашей жизни. И вполне хорошей жизни. Я претворила то, о чём даже не думала. Только мозг местами указывал мне на возможность этого. Я знала, что у Милы много поклонников. Они всегда были и хотели заполучить её внимание. Меня это не расстраивало, как я уже говорила, скорее, забавляло и укрепляло в моих глазах. Её внутреннюю харизму и внешнюю привлекательность, непохожий взгляд на мир. Она была словно мотыльком, желая к кому-то пристроиться и при этом оставаясь одной. Я снова погрузилась в свою меланхолию тогда на парижском ночном подоконнике. Было слишком хорошо и вряд ли будет лучше. Я неутомная, да. Но до тех пор, пока действительно не буду чувствовать себя на своём месте. А все места, где я была до этого, являлись лишь подготовкой к главному.

– Вы почувствовали себя сильнее её в тот момент?

– Более трезвой. Я не художник по жизни, вуаль из узоров желаний я лишь примеряю, всегда имея возможность её снять. Слишком долго я прятала кого-то внутри себя. В ту ночь у меня случилась история. Ещё одна, в которую попала случайным образом. Мила спала, а мне нужно было пройти. Я оделась и тихо вышла из номера. Бродила по центру города, шумного на главных улицах и спокойного в буржуазных переулках. Подсвеченный жёлтым светом, он склонял меня к чему-то, но я не могла понять... Моя душа кричала и в то же время не давала советов, подсказок, что делать и чего я в действительности хочу. Ломала ли я себя, подпуская близко её? Но ведь было хорошо. И всё же мне требовалось какое-то доказательство, что я всё ещё та самая Жюли. Нормальная, адекватная... Сейчас для меня эти слова звучат, как ругательство. А тогда мне нужно было что-то для приобретения уверенности. Гуляя, мне приглянулся один тихий бар. Подумала, что стакан виски мне не помешает. Внутри почти никого не было. Двое молодых людей, что-то обсуждающих, одна худая пожилая женщина с красными губами и мужчина, склонившейся и что-то читающий.

– Здесь не занято? – Жюли на английском задала вопрос мужчине и, не дожидаясь ответа, села рядом, – Как настроение?

– Я не знаю. Это слишком сложный вопрос, – он даже не посмотрел в её сторону.

– Почему? Правильно было бы ответить *très bien*!

- А если оно совсем не très bien?
- Но здесь так принято отвечать...
- Только не ночью. В три часа можно говорить правду. Особенно тому, кто вторгается в твоё пространство самым непосредственным образом, – мужчина наконец-то взглянул в сторону Жюли, но, не поднимая своих глаз.
- Надеюсь, вы не обдумывали сюжет нового романа? Тогда и, правда, было бы обидно прервать ваши мысли. Я бы себя ругала и попыталась вам помочь, – Жюли отпила виски и стала рассматривать лицо собеседника.
- Каким образом вы бы мне помогли? Вы издатель?
- Нет, но я имею хорошие отношения с лучшими издательскими домами Москвы. Не знаю, насколько вам это поможет... Ну, так что?
- Что – что?
- Так с чем вам помочь? Какие проблемы у ваших героев?
- Вы всё про рассказ...
- Да нет. Вообще-то мне просто хочется выпить, – Жюли потянулась за стаканом.

- Вперёд.

- Вы не хотите меня спросить почему?

- Почему вы хотите выпить?

- Я потеряла ориентир. Или ориентацию... – Жюли пожала плечами.

- В Париже потеряли? – пошутил мужчина.

- На самом деле нет. Вообще-то это не смешно. Кстати, как вас зовут?

- Марк.

- А я Жюли.

- Интересно... Наверное, во Франции это потеря особо обостряется, да?

- Да не провязывайте вы всё к месту. Я словно в фильме каком-то, рассказываю первому встречному, о чём никому не говорила.

- Пока вы ничего такого мне не рассказали.

- Ну как же. Подождите...

- Вам, Жюли, показалось, что вы сошли с пути. Немного, как я понял, экспериментируете с ориентацией. Лучше раньше, чем позже с этим определиться. Хорошо, что пробуете.

- Вы шутите? Это же как-то аморально.

- Да нормально, – хладнокровно бросил он ей своё мнение.

Жюли долго смотрела на Марка. Он не поворачивался к ней лицом, уставившись в свой стакан.

– По сюжету вы сейчас должны мне рассказать свою историю, – прервала молчание Жюли.

– Что ж. Слушайте, пойдёмте в отель.

– Что?

– Давайте просто переспим. Заодно вы определитесь со своими предпочтениями. А я сниму стресс. Меня уволили сегодня. Вместо меня взяли друга начальника. Я шёл на эту должность пять лет. Пять изнурительных долгих лет. И мне предложили... Впрочем, неважно, что мне предложили. Я написал заявление и больше на пороге той компании не появлюсь. Я тут подумал, может, вы мой подарок. Как бонус за утраченное счастье.

– Счастье измеряете деньгами?

– Нет, но самореализацию вполне. Ну, так что, идёте? – Марк повернулся и осмотрел Жюли с ног до головы, – А вы красивая.

– Кажется, вы меня не так поняли. Я не ищу приключений. Просто запуталась. И знаете, как это иногда бывает, случайный знакомый помогает разобраться с ситуацией...

– Я вам предлагаю помощь, бескорыстную и приятную. Почему вас это так смущает? Сегодня гуляем! Лучший номер и самое дорогое шампанское.

– Я пью виски.

– Будет тебе виски. Моё офисное освобождение, – Марк улыбнулся и дотронулся до руки Жюли. Она не отдернула руку, лишь незаметно вздрогнула.

– Не знаю, что вам сказать. Для вас, может, и освобождение. А для меня усложнение. Я пойду, – Жюли продолжала сидеть. С мрачным видом обиженной девушки.

– Пойдём вместе, – Марк взял её за руку и потянул за собой. Жюли поддалась, и они вместе вышли в ночь.

Молча идя по жёлтому свету, их походка качалась, и лишь кашель одного и частое дыхание другой были музыкальным сопровождением этих внезапных совместных шагов. Жюли взяла его под руку.

– Чтобы лучше тебя узнать, хоть немного почувствовать, – объяснила она своё действие, – ты знаешь, я вообще давно не гуляла вот так просто с мужчиной. Не чувствовала сильной руки рядом. И пытаюсь понять, соскучилась ли я по этому чувству.

– И как?

– Нормально. Хорошо, что у тебя такая внешность. Ночная. Утром я бы на тебя вряд ли посмотрела.

– Скажи, ты ведь именно за этим пришла в бар? Найти одиноко сидящего мужчину, чтобы проверить себя...

– Зачем тебе это знать? Считай, что это ты меня соблазнил.

– На самом деле я не такой. Мне, может, тоже захотелось приобщиться к твоему фильму. Уйти из реальности, где за честный труд обманывают. Не уверен, что мы поможем друг другу, если... Подумай, надо ли тебе это?

Жюли ничего не ответила, лишь серьёзно посмотрела на Марка. Они остановились перед небольшим отелем.

– Приблизившись к нему и чувствуя дыхание, я поцеловала его. Это не был короткий ожидаемый поцелуй. Я заплакала. Таким странным, но таким настоящим было это. Без какого-либо притворства, просто люди, потерявшие себя и кричащие о помощи. С надеждой, что их кто-то услышит. Нам повезло, мы практически без слов зашивали раны и разгоняли сомнения.

Доктор Фур слегка улыбнулся и что-то записал.

– Надо, – ответила Жюли на вопрос Марка, оторвавшись от его лица. На нём были какие-то понятные только мужчинам переживания и желания. Перемешалось и заставило поддаться себе.

Они вошли в холл отеля, быстро взяли ключи и молча поднялись на пятый этаж. Через пять минут к ним постучался виски. Кто им его принёс, они не заметили, утопленные в эту комнату. Каждый пытался найти место потемнее. Чтобы неожиданный свет не спугнул.

– За нас, да? – спросила Жюли и протянула свой стакан. Марк ничего не ответив, кивнул. Резко поставил виски на стол и притянул Жюли к себе.

– Он довольно резко начал, как будто доказывая себе что-то. Но мне нравилось. Я почувствовала себя желанной, принятой такой, какая есть, не осуждаемой никем. В меня что-то вселилось, накал, глубина... Хотелось там остаться, чтобы каждой клеткой своего тела ощущать накатывающее счастье освобождения. Это было по-другому, не как с Милой. Там я становилась другой. Сложнее, многогранней. Как

абстракция на палитре нашей общей кровати. Не всеми признаваемой. Конечно же... С ней я смотрела и знакомилась с собой, как с новым человеком. А здесь этого не требовалось. Это была я. Когда-то запрещающая себе даже анализировать свои желания. Да, Марк был прав. Я специально пришла в бар, чтобы встретить кого-то. Знала, что получится. Иначе, какой смысл было сбегать из нашей маленькой комнаты, где спокойной спала Мила. Бедная девочка, влюблённая и честная. Мне бы её честность...

– Вы тогда испытывали чувство стыда, что обманываете её? – спросил доктор.

– В тот момент нет. Я думала только о себе. С каждым выдохом кусочки меня собирались, заставляли дышать. Кажется, я мало говорю про Марка. Но мы действительно встретились

лишь для того, чтобы провести себя в чувство. Или сломать окончательно. Мы так же молча оделись. Я вышла на балкон и окинула взглядом свежий город. Он был прекрасен в пять утра. Как же мне было легко и как хотелось парить над Парижем.

Жюли обернулась на Марка, странно на неё смотревшего.

– Ты чего? – удивилась она.

– Красивая... ты, – произнёс он уже сказанные в начале их знакомства слова, – тебе легче?

– Да. В эту секунду мне хочется жить. Я почти счастлива. А знаешь, утро тебе тоже идёт. Я была не права по поводу ночного света.

Марк усмехнулся и застегнул рубашку. Вышел к ней на балкон и вдохнул запах её волос.

– Они пахнут моим парфюмом.

– Полное соитие двух тел.

– И душ...

– Да ты романтик!

– Только в эту секунду. Я реалист. Обычный офисный сотрудник, маленький человек, мечтающий о большом чуде. Когда я был ребёнком, я верил, что ко мне прилетит волшебник и осуществит заветное желание.

– А о чём ты мечтал?

– Чтобы мама не болела... Но он не прилетел. И мамы не стало. Больше я ни во что не верил. Стал бездушным большинством. Я тебе завидую.

– Почему?

– Ты смелая, не боишься жить. Может, ты меня и правда спасла. Но мне хочется улыбаться. Не верю, что дело просто в сексе. Это ты такая...

Думаешь, нам стоит ещё увидеться? – осторожно спросил Марк и посмотрел Жюли в глаза.

– Смысла нет. Меня ждут...

– Наверное, ты права. И всё же ты не по-настоящему влюблённая... Но настоящий человек.

Они долго стояли над городом и вслушивались в предрассветную тишину. Потом вышли из гостинцы и разошлись в разные стороны.

– Я шла прямо, не сворачивая. Боялась прийти к нам в номер и не захотеть увидеть её.

– Но всё же вы пошли?

– Когда я вошла, Мила ещё спала. За эту ночь я забыла её тело, улыбку и цвет. Села на подоконник, также как перед моим уходом. Странно, я не чувствовала грязи. А ведь случись это до знакомства с Милой, я бы обдумывала каждую деталь и всё поддавала анализу. Ужасно, ужасно... Помню, с удовольствием тогда отметила этот факт. Думала про себя практически с уважением, отмечая смелость и внюхиваясь в чужой запах на своих волосах. То есть одно предопределяет другое. Я лишь молюсь о том, чтобы мою память не стёрли. Воспоминания – самое дорогое, что у нас есть. Эти мысли питают меня, определяют мой дальнейший путь. Я легла рядом с ней на кровать, смотрела, как она спит. Моё тело молчало. Какая-то волна безразличия нахлынула на меня, и оттого хотелось ударить себя. Хотелось кричать и своими бесшумными звуками сотрясать воздух, чтобы разбудить Милу. Но она была явно в каком-то другом мире, иллюзорном, сотканном из её чувств и желаний. Этот Марк завидовал мне, а я Миле. Вот кто был смел в признании своих желаний и поступал согласно им. А я выпала из самой себя и смотрела со стороны. Вот мы с Милой ужинаем в ресторане, ночь, жёлтый цвет комнаты, потом подсвеченная улица, бар, мужчина, идём вместе, он на моих губах, рассвет, снова подоконник, чужое лицо рядом. Даже случайно знакомый Марк этим утром был мне ближе.

– И всё же вы это анализируете...

– Да, но не так, как если бы я это делала раньше. Я себя не ругала. И не жалела. Как я уже сказала, просто наблюдала с каким-то отчаянием. Мне надо было за что-то ухватиться. Но я не знала за что.

– Ты такая ранняя, Жюли. Тебе не спится? – Мила сонно потёрла глаза.

– Я не знаю... Наверное, дело в Париже. Здесь жалко тратить время на сон. Тебе не кажется?

– Этот сон я делила с тобой. На это ни минуты не жалко, – Мила накинула халат и прошла в ванную.

Жюли проводила её пустым взглядом и заставила себя собраться, натянуть улыбку, чтобы не объяснять то, на что у неё не хватало слов. Париж полностью проснулся и уже не напоминал ночные часы. Сейчас был слышен детский голос, требующий круассан и пожилых французов, одновременно говорящих друг другу *Bonjour*. Дымка тайны растворилась в утре и была отражена лишь в прищуренных глазах людей, которые ещё не привыкли к свету, проведённых ночь за разговорами и вином. Здесь чувствовалась свобода, утоление жажды любого характера, проделанного с настоящим французским достоинством. Жюли нравилось впитывать в себя это состояние и внутренне, по-театральному, его обыгрывать. Это помогало ей хоть немного сохранять равновесие и не подавать виду на произошедшие изменения.

Мила накрашенной и одетой вышла из ванной, подошла к окну.

– Я чувствую запах свежесваренного кофе! Пойдём быстрее, пока весь не выпьют.

– Думаю, две чашки у них найдётся в любом случае, – Жюли слезла с подоконника, взяла сумку и направилась к выходу.

– Подожди, ты забыла, – остановила её Мила.

– Разве? Что?

Мила подошла к Жюли, взяла её лицо в руки, посмотрела в глаза и тихо поцеловала.

– Я сразу вспомнила наш с Марком поцелуй возле отеля. Нет, это было нечто другое. Там спасалась я, растворившись на доли секунд в другом человеке. А здесь меня ловили сетью, из которой сложно было выбраться. Так как я сама подписалась под этими правилами, – Жюли вздохнула и устало посмотрела на доктора Фура.

– Где есть правила – есть и игра. Но вы говорили, что для вас это не было игрой?

– Ни в коем случае. Когда я разрешила себе всё, я действительно это сделала, психологически, эмоционально освободилась от условностей, такое сильное было во мне желание к изменениям, раскрепощению, подобию других женщин. Я не была готова... Точнее я просто не знала, что буду испытывать, не захлебнусь ли. Я этого не знала. И даже Париж в качестве антидепрессанта действует не так быстро. Мы сели в кафе на улице. Мне было больно смотреть на её лучистое лицо. Но не скрою, зная, что причина этого я, такая странная и непостоянная, было приятно. Мила что-то говорила, я не разбирала её слов. Отчётливей слышала гул машин и стук чашек об блюдца. Мне не хватало себя, спокойствия, ясности. И оттого я отвечала невпопад.

– Жюли, ты себя хорошо чувствуешь? Ты какая-то бледная. Ничего не случилось? – Мила взволнованно взяла Жюли за руку.

– Всё нормально. Слушай, ты не будешь против, если я пройдусь?

– Конечно, сейчас я только допью кофе...

– Ты не поняла. Мне нужно побыть одной, – Жюли неуклюже стала собирать крошки на тарелке.

Лицо Милы в момент переменялось. Брови съехали, пальцы вцепились в чашку.

– Почему? – спросила она тихо и сосредоточенно.

– Просто... Знаешь, я так люблю Париж. У меня с ним особые отношения. Да, я совершенно не знаю французского, но понимаю этот город. И мне нужно чуть больше места.

– Но чем я буду мешать, если пойду рядом? – Мила не меняла тон и не слышала, что до неё хочет донести Жюли.

– Мешать ты, конечно, не будешь. Но я так давно здесь не была. Мне хочется просто молча походить и останавливаться, не спрашивая, а хочешь ли ты этого. Часа три, не больше. А ты ведь, кажется, хотела что-то купить?

– Хотела. Но это неважно. Я была бы готова отказаться от шоппинга, чтобы провести пару часов с тобой. Но если ты этого не хочешь. Давай, иди, – Мила резко встала и не глядя на Жюли, быстро ушла.

– Я не поняла, что это было. Такую её внезапно рассерженную реакцию. Мне казалось, я попросила немного, просто пару часов прогулки. На самом деле я это сделала больше для того, чтобы не испортить нашу поездку. Чтобы хотя бы у Милы остались приятные от неё впечатления. А не моё смазанное настроение. Ведь что я ей могла по сути сказать? «Ты знаешь, пока ты спала, я познакомилась в баре с одним мужчиной, помню только, что его зовут Марк и что у него красивые руки. Как примитивно, наверное, подумала ты. Но мне было важно понять, что я всё же люблю мужчин. А ты – моя проба, не принимай меня всерьёз, хорошо?». Так бы это прозвучало... Фальшиво, глупо. Но с долей правды. Я себе казалось жестокой. А резкая смена в настроении Жюли меня испугала ещё больше и показала её с другой стороны.

Жюли через пару минут тоже встала из-за столика в кафе и пошла по направлению Сены. Осенний, но ещё тёплый ветер, кружил листву и служил прекрасным дополнением к картинам художников. Жюли подолгу наблюдала за каждым из них. Пожилой мужчина в тёмно-красном свитере старательно изображал город, утопающий в сентябре. Брал кисточку потолще для фона, а тонкой вырисовывал листья. Другой мужчина был внешне более креативным, замотанный в одежду-мешок, долго накладывал слои красок друг на друга. Тёмно-синий, красный, фиолетовый, белые вкрапления и немного жёлтого прикасались к холсту. Органично и тревожно выглядела его картина. Жюли подошла поближе, села неподалёку и с интересом разглядывала автора и способ демонстрации его эмоций. Точка, точка, плавное движение, вдруг резкий скачок и брызги – всё это напомнило ей саму себя. Сама не заметила, как начала плакать. Одна за другой, солёные капли стекали по лицу и невкусно попадали на губы. Жюли не сразу увидела, что к ней подошли и протянули платок.

– S'il vous plaît prendre, – мужчина-мешок протягивал ей платок и добродушно улыбался.

– Merci, – Жюли взяла платок, и ей стало сразу неудобно за свои мокрые глаза. Художник ещё что-то говорил и движениями просил её оставаться на месте. Подбежал к своему мольберту, взял чистый лист бумаги и, смотря то на него, то на Жюли водил карандашом быстро-быстро. Через несколько минут, он вручил девушке её портрет, слегка незаконченный, но на удивление похожий. Жюли ещё больше расплакалась и так растрогалась, что обняла мужчину, похлопывающего её по-отцовски по спине.

– Он, как добрый волшебник, который говорил мне «Эй, ты чего, у тебя же всё прекрасно. Молодая, красивая в самом прекрасном городе на берегу Сены – не смей лить слёзы! Всё ерунда по сравнению с моментом. Так ощути его!». Я не знаю, сказал ли он действительно это. Но мне хотелось думать так. Может, это его картина так на меня подействовала. Я себя не собиралась жалеть. Не та ситуация. С портера на меня смотрела девушка с очень грустными глазами, пережившими что-то или переживающими. В них было много волнения. Талантливый человек. За пару минут так проник в мою душу и показал мне себя изнутри. Помню, улыбнулась картине, художнику, стала подниматься вверх по ступенькам, потом ещё раз повернулась и помахала этому волшебнику, а он что-то радостно крикнул в ответ. И на душе стало лучше. Я попробовала выиграть этот небольшой бой с самой собой, и моя совесть отступила, дав возможность ступать на землю легче. Когда я пришла в отель, Мила тихо лежала на кровати. Я присела к ней. Она сразу ко мне повернулась и улыбнулась краем губ. Я обняла её и, кажется, всё встало на свои места. Хотя немного тревожно мне всё же было. Люблю проговаривать возникший спор, но в данном случае решила отступить от своего правила.

– Я так рада, что нам с тобой удалось такие чудесные выходные провести. Плавать по Сене и наблюдать за парочками на берегу – это было прекрасно. Я не понимаю, как из расхлябанной свободной молодёжи вырастают такие французы. Ты понимаешь, о чём я. Хотя, возможно, это только внешняя неприступность. Не зря же говорят, что именно французы умеют наслаждаться жизнью и не ставить себе границ, – мимо проносились виноградники, ослеплённые закатом. Всё это было похоже на картинку, красивую и призывающую к мечтанию. На поезде мы возвращались обратно в Швейцарию.

– Не знаю, как французы, а вот я действительно наслаждалась этими днями. Проведёнными вместе. Жюли, мне было так уютно. У меня для тебя кое-что есть, – Мила полезла в сумку и достала футболку с нашими фотографиями, – Просто так...

– Когда ты успела?

– Пока ты гуляла... – Мила протянула подарок.

– Спасибо, неожиданно. А ты ещё купила сувениры кому-нибудь? – Жюли решила плавно перевести тему.

– Нет, а кому?

– Родителям или твоим поклонникам. Кто там у нас самый симпатичный?

– Родители тысячу раз были в Париже. А поклонники? Разве они заслуживают этого или делают меня счастливой? Нет. Мне даже в голову не пришло им что-нибудь привезти. Подумают ещё что-нибудь лишнее, а мне этого не надо.

– Просто ты ещё не встретила своего человека.

– В смысле? Я встретила, но не сразу это поняла. Мне ни с кем из мужчин не было так хорошо, как с тобой. Пусть они все думают, что угодно про меня, осуждают или не понимают. Мне все равно. Я держу твою руку и сейчас мне этого достаточно.

– Ну, а если твои родители узнают?

– Я имею право на близкого человека и могу с ним проводить время, разве нет? Это не выглядит странным. Родители только рады, что я наконец-то вновь обрела подругу, – Мила посмотрела сквозь окно, как-то слишком грустно для такого красивого вида.

– Вновь обрела? А что стало с прежней подругой? Она уехала?

– Да, переехала в Нью-Йорк, сказала, там больше шансов.

– Ты никогда о ней не рассказывала.

– Мне больно об этом говорить. И я не знаю, как ты к этому отнесёшься.

– Ну, уж мне ты можешь всё рассказать. Думаю, я пойму.

– Не знаю. Понимаешь, она была мне больше, чем просто подруга. Старше меня всего на пару лет, она казалось, такой цельной, знающей чего хочет. Она дизайнер, художник, талантливый человек. Мне было буквально всё в ней интересно, я ловила каждое слово, верила всему, что она мне говорит. Уже тогда, в двадцать восемь лет, она выставлялась в лучших галереях Цюриха. Она отсюда родом, швейцарка. Но мы сразу нашли общий язык. Познакомились на мастер-классе по нашей общей тематике, потом пошли выпить и досидели до шести утра. Я была очарована, по-другому не скажешь. Мы виделись очень часто. У меня на тот момент был молодой человек, он очень нравился моей маме. Действительно, хороший, добрый, спортивный. Но о чём с ним было говорить? Я тогда замуж не собиралась, больше всего на свете я хотела узнать что-то новое и разговаривать с «другими» людьми. Только не с обычными, не со скучными, не с нормальными. Как оказалось, у меня был нюх. Как говорится «На ловца и зверь бежит». Так как Люсиль, так её зовут, сказала, что не может со мной больше просто дружить. Я ей нравилась как девушка. Она свою дорогу выбрала, пробовала и с мужчинами тоже, но с девушками ей было понятнее, приятнее. Для меня это было шоком. Я долго думала, сомневалась. Но через неделю позвонила ей. Решилась. И меня унесло, смыло, я забыла про моего молодого человека, стала отчуждённой в семье, но при этом ни от кого не ускользал мой счастливый взгляд. Конечно, о Люсиль я никому не говорила. Но, видимо, моё частое отсутствие дома беспокоило родителей. Мама стала за мной шпионить, проверять почту. Много времени на это не ушло, она быстро докопалась до истины. Был долгий разговор, ссора, побег из дома и возвращение. Потом она снова меня выставила. Когда я долго не возвращалась, пришла за мной сама и сказала, что больше не будет мне мешать, хотя эта ситуация её очень расстраивает. Конечно, это внесло дисбаланс, но я не собиралась отказываться от Люсиль. Казалось, всё наладилось, у мамы снова стало хорошее настроение, как вдруг Люсиль мне сообщила, что уезжает, точнее, переезжает в Нью-Йорк. Её пригласили работать в главный офис одного известного бренда, а также намечались перспективы новой выставки её картин. Я рвалась за ней, плакала, сворачивалась как кошка на её кровати, мне не хватало воздуха. Отбирают мою Люсиль! Даже хуже, она сама от меня отказывается, не видит рядом с собой. Конечно, она поступала мудро. Ей тоже было тяжело, я это чувствовала. Она бы с удовольствием взяла меня с собой. Но прежде мне надо было окончить Университет. Тогда я ей сказала, что больше ничего не хочу от неё слышать. Потому что слишком больно. Она сдержала своё слово. Больше мы не общались. Это моя история. Тебе интересно, что было потом? Около шести месяцев

меня не существовало, ещё шесть месяцев я училась заново жить и чувствовать. Потом пыталась вспомнить себя прежнюю. Мама мне коробками приносила новые туфли, брала с собой на вечера, пыталась с кем-нибудь познакомиться. На самом деле её терапия помогла. Мне нравилось на себе ловить мужские взгляды. Я обрела былую уверенность. Знала, что меня хотят, хотят быть рядом. Попробовала с кем-то сойтись, улыбалась, когда надо было, смеялась, когда он шутил, и кричала, когда он старался. Эта игра стала меня увлекать. Вечные кошки-мышки. Мужчины не давали мне унывать, постоянно веселили, я их дразнила, и они вкладывались ещё больше. Ты не представляешь, как это легко, если знать, что твоё сердце никому из них принадлежать не будет. Пусть делают, что хотят, соревнуются друг с другом в подарках – я лишь наблюдаю. В глубине души я знаю, кто мне нужен. И когда я с тобой встретилась в первый раз после стольких лет, мне снова захотелось быть собой и прямо смотреть человеку в глаза. То есть тебе. Мне стало важно наше общение, ты такая искренняя, тонкая, почему-то сомневающаяся, и, главное, близкая мне. Я боялась тебя спугнуть, страдала, когда это всё же произошло. Но решила попробовать ещё раз. Наши друзья в баре, как предлог. И я чувствовала, что ты ощущаешь нечто похожее. А теперь мы здесь в этом в поезде, и мне страшно, когда ты говоришь мне о других мужчинах и о подарках для них. Я с ними ради приличия, веселья и только. Жюли – ты мой основной подарок, знай это. Я немного устала, я посплю, хорошо? – Мила слегка улыбнулась и закрыла глаза. Словно ребёнок, которому когда-то не хватило любви.

– За весь рассказ, я Милу ни разу не перебила. Слушала и не могла поверить. Она передо мной по-другому раскрылась и немного напоминала меня. Возможно, мы с ней похожи больше, чем я думала прежде. И тем самым так друг друга привлекли. Но если для меня наши с ней отношения, как путь к себе и поиск себя, то для неё всё было серьёзнее. В душе она была глубоко несчастной, запутавшейся и на самом деле боящейся мужчин. Не понимающих их, а только делающий вид. Теперь я казалось себе сильней, лучше разбирающейся, чем Мила. И, казалось, в моих руках её счастье. Она так быстро привязывается к людям и не верит, что её могут предать. Она связывает свою жизнь накрепко с другим человеком. А тот, другой, может иметь совсем иные планы. Как я уже сказала, для меня это был лишь отрезок времени, за который я ей безмерно благодарна. Я не видела нас с ней вместе в перспективе. И я не знала, что мне делать дальше.

– Это весьма необычная история. Если честно, я думал, это вы попадёте в ловушку своих чувств. Но как я вижу, жизнь распорядилась по-своему. Что же вы сделали потом, Жюли?

– Вы как раз правы, я попала в собственную ловушку. Но только по-другому, иначе. Буквально через несколько дней после приезда, Мила пригласила меня на открытие выставки к её маме, Алле. Мне было интересно заново познакомиться с её родителями, так что, я с радостью приняла предложение. Алла, она в детстве просила называть её без отчества, запомнилась мне как яркая женщина, к которой всегда были прикованы все взгляды. Жгучая стройная брюнетка в белом костюме, она выделялась ещё в то время. Умело вела разговор, разрешала подружкам Милы пользоваться своими духами. Неслыханная щедрость. Она одна из причин, по которой мы так любили бывать в их доме. А как она вкусно готовила. До сих пор помню её блины с яблочной начинкой и вишнёвый торт. Хотелось на неё равняться, но было уже тогда понятно, что такой, как Алла, надо родиться. Миле от неё много черт и качеств досталось. Я вам уже говорила, что восхищалась их с Александром парой. Они были созданы, чтобы встретиться и вести счастливую жизнь. Если бы захотели, то запросто могли бы повисить продажи, рекламируя те или иные предметы. Так как все хотели быть похожими на них. Или хотя бы уметь так же печь или пахнуть. Мне они казались идеальными, а Милу я считала самой везучей девочкой. Поэтому я не могла дожидаться, чтобы снова увидеть её родителей и очень надеялась сразу узнать. Я старательно выбирала наряд для выставки. И так как Алла у меня с детства

ассоциировалась с чем-то светлым, я надела белый брючный костюм и уложила волосы волнами.

– Жюли, ты сегодня бесподобна! – Мила, не успевши подойти, начала громко и радостно говорить, – Ты угадала с цветом одежды. Теперь тебе важно не слиться с картинами, они тоже светлые, посмотри.

– Мы прошли в зал, и я увидела нечто абстрактное, воздушное, лёгкое, белое, бежевое, розовое, всё перемешалось и чудесным образом перенеслось на полотно. Я замерла и не могла сдвинуться с места. Как будто туда, на эти картины, переместился мой мир, с маленькими тёмными вкраплениями. Было много орхидей и шампанского, в этом хотелось тонуть, и это было так похоже на Аллу. Не успела я спросить у Милы, где сама хозяйка, как услышала сзади стук каблучков. Обернулась и была настолько удивлена, увидев ту же женщину, что и пятнадцать лет назад. Конечно, взгляд изменился, но всё остальное, фигура, улыбка, волосы, остались прежними. Только эта женщина могла создать такую выставку, очень тонкую, но не переходящую во что-то пошлое.

– Мама, это Жюли. Мы с тех пор изменились больше, чем ты, но всё же узнаваемы.

– Дорогая моя, ну, здравствуй! Мила мне всё про тебя рассказала, и я так рада, что вы сдружились. Теперь Миле есть с кем делиться секретами. Она долгое время грустила. По русской душе, видимо, – Алла серьёзно посмотрела на дочку, но через секунду её лицо снова стало улыбочиво узнаваемым, – спасибо, что пришла. Здесь будут интересные люди. Мила говорила, что ты пишешь о Швейцарии. Если захочешь, могу помочь с интервью. О, а вот и наш дорогой господин Майер...

– Алла так же быстро ушла, как и пришла. Испарилась в толпе людей, оставив за собой шлейф неизменных духов и то же ощущение недостижимости. Да, такой надо родиться. И как у неё только на всех хватает энергии и добрых слов, думала я. В зале заметно стало больше людей, мне было интересно за ними наблюдать, чистые лица, элегантная одежда и восхищение картинами. Я медленно пила шампанское и наслаждалась происходящим, как вдруг мой взгляд упал на одного человека, мужчину. Он равнодушно смотрел сквозь окно, держа руки в кармане. Его как будто не было там, в этой комнате, среди гостей. Он стоял особняком и ни на кого не обращал внимание. Красивый, грустный, хорошо одетый. Конечно, он сразу привлёк меня. Видимо, я так долго на него смотрела, что он это заметил и посмотрел в мою сторону. Что нетипично, я не отвела взгляда, а улыбнулась краем губ. Он подошёл ко мне.

– А ты, я так понимаю – Жюли? – спросил он.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю, с кем проводит время моя дочь.

– Александр Викторович?! Я вас не узнала. Вы как-то по-другому выглядите. Помолодели...

– Да, пожалуй. Стал европейцем. Много занимаюсь спортом, постоянно по работе путешествую, дышу другим воздухом. Конечно, швейцарский шоколад и сыр делают своё дело, – пошутил папа Милы, – ты тоже изменилась. Хотя глаза остались прежними, такие же серьёзные, глубокие, с какой-то тайной. Мне всегда казалось, что ты умнее других подруг Милы, как будто всё про всех знаешь.

– Это точно не так. Я была довольно неуверенной в себе. В принципе, уверенности и сейчас прибавилось немного. Но удивительно, что вы меня всё же узнали. Мила вам обо мне рассказывала?

– И показывала фотографии. Я рад, что она снова ожила. Признаться, давно не видел её такой радостной. У Милы были кое-какие проблемы, но это в прошлом. Ну, а ты как, замуж не собираешься?

– Я собираюсь. Когда-нибудь наверняка это случится. У меня есть друг, но мы даже живём не вместе. Он в Москве, а я вот бездельничаю в Швейцарии.

– Сомневаюсь, что ты бездельничаешь, писать – это большой труд. Важно не ошибиться с тематикой. Если тебе нужен будет совет – обращайся. Из мира музыки я знаю много интереснейших людей, эрудитов, разговаривать с которыми великое удовольствие.

– Второе предложение помощи в моей работе за сегодня. Алла тоже захотела поспособствовать.

– Это она может. В общем, обращайся, – лицо Александра стало немного напряжённым и сразу как-то постарело.

– Спасибо, помощь такого рода мне будет очень кстати. Можно сделать репортаж про известных людей, проживающих в Швейцарии. И поместить вашу с Аллой фотографию.

– Это лишнее. Но общее впечатление от жизни здесь я могу тебе описать. Правда это чревато твоим окончательным переездом сюда, – его лицо снова распрямилось и пыталось улыбнуться.

– Что, правда? Здесь настолько хорошо? Хотя можете не отвечать, я сама знаю. Только дорого очень. Важно иметь хорошую работу. Впрочем, это в любой стране немаловажно.

– Мы ещё какое-то время проговорили с ним, интересный разносторонний человек. Но, если честно, я не помню, о чём был разговор. Да, я наврала ему про несуществующего друга в Москве. Но это, чтобы отвести всякие подозрения от нас с Милой. По дороге назад я думала уже не о ней. Все мои мысли касались Александра. Они сами приходили в мою голову и не собирались оттуда уходить. С утра, не успев открыть глаза, я увидела его. Образно, конечно. И захотелось его снова увидеть вживую. Полезла в социальные сети, нашла фотографии. Не заметила, как за этим делом прошёл час. Днём мы договорились с Милой встретиться в кафе. Внутри меня что-то бунтовало и уже не так хотелось идти на эту встречу. Страсть прошла. Но я понимала, что, если хочу лучше узнать Александра, мне нельзя прерывать контакт с Милой.

– Жюли, но вы ведь понимали, что это неправильно. Вы также прекрасно знали его жену. Что по этому поводу думали?

– У меня есть некая особенность. Когда мне нравится человек, когда он меня завораживает и будит во мне новые чувства, я забываю о нормах и гранях приличия. В общем-то, я ничего конкретного от Александра не хотела, просто ещё раз его увидеть и поговорить. Получаемые эмоции в логику не укладываются, и мне было все равно, что я спала с его дочкой. Да, звучит ужасно аморально. Но я ведь в самом начале решила стать свободной и открывать новую себя. Впоследствии всё к этому подталкивало, а мне оставалось лишь делать шаг навстречу. Я не думала, что как-то смогу навредить Алле, общаясь с её мужем. Ведь я не делаю ничего умышленно, просто следую своим желаниям, испытывая ко всем позитивные чувства. Именно так я считала, поэтому на нашей с Милой встрече я напросилась к ним домой. Под предлогом, что мне интересно и другие картины её мамы посмотреть. Что, кстати, тоже было правдой. Они жили в большом частном доме. Идеальное место для идеальной семьи. Захотелось стать их кошкой, чтобы быть всегда рядом. Когда мы пришли, дома никого не было, и мы могли свободно, с тщательной экскурсией пройти по комнатам. Как и картины, они были выполнены в светлых тонах. В маленьких прозрачных вазах стояли тюльпаны, а большие, от пола и почти до потолка, были в качестве декора. Здесь всё было продумано до мелочей. Эталонный образец для журнала по дизайну интерьера. Потом мы оказались в комнате Милы, она меня толкнула на свою кровать. Пришлось мягко выбраться из её объятий. Я не хотела... Она на меня вопросительно посмотрела, но я это аргументировала тем, что мне неудобно заниматься подобными

вещами в доме её родителей. И мы очень правильно поступили, спустившись вниз пить чай, так как буквально через десять минут пришла Алла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.